

Театральный портрет в интерьере ремонта

ТЕМА
ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

12

Руководимый Вячеславом Кокориным Иркутский тюз стал одним из символов города, одним из его знаков.

На аэродроме меня ждала... милицейская машина. Люди в мундирах потеснились, пустая место. Вид у людей был сосредоточенный — впереди ночная работа в Иркутске.

А заезжого корреспондента они подвозили по просьбе театра.

— У нас вечно с машинами неладит, — улыбаясь Кокорин. — Сейчас они вроде на ремонте. Впрочем, у нас вечно на ремонте — даже помещеники. Выселили нас из аварийного здания, теперь работаем на разных площадках.

«Ремонт» и «вдохновение» — два слова, которые сегодня определяют жизнь Иркутского тюза. Давайте сначала поговорим о вдохновении, заглянем на сцену, чтобы стало ясно: есть ли, собственно, из-за чего копья ломать? Иркутский тюз — первый и, если не ошибаюсь, пока единственный в стране театр, который поставил пьесу Андрея Платонова «Высокое напряжение». Романтические и трагические тридцатые годы. В колоритности этих лет живёт обычный человек — Иван Васильевич Мешков. «Я стремился жить — я пилотик», — так говорит себе А жизнь вокруг — климат. И кто-то находит в этом климате свое признание, кто-то друзей и свою любовь, а кто-то и смерть. Мимо, мимо Ивана Васильевича проносится эта жизнь. И сидят сибирские дети в городе Иркутске, и тихо-тихо слушают удивительный платоновский текст, и задаются вопросами, без которых не обойтись: о том, например, как себя найти и как жизнь свою строить, чтобы не только тебе самому, но и окружающим она была нужна. В свое время Вячеслав Кокорин — выпускник Ленинградского государственного института театра, музыки и кино — ушел из Благоевещенского театра драмы, не нашел общего языка с директором и пошел работать в газету «Амурский комсомолец». Там он придумал рубрику «Мир по законам красоты». В этом названии, быть может, суть работы Кокорина. И Иркутский тюз, им возглавляемый, постоянно прикладывает нас к размышлению: кто мир строит по этим законам, а кто мешкает так его строить.

Юрий Клепиков не писал пьесу под названием «Незнакомка». Юрий Клепиков написал сценарий под таким названием. А Кокорин прочитал его в журнале «Искусство кино» и поставил в театре. Вот самый обычный класс. Самым, в общем, обычным старшкласиком. А вот линия, граница, класс, разделяющая. С одной стороны линия те, кто может одеться под «Фирму», кого родители подвозят на собственных машинах к бассейну, у кого есть дачи и породистые собаки. С другой — те, кто всего этого лишены. А посередине — мятущаяся девочка Женья Родимцова. Ее метания, обретения и предательства, и, конечно, ее любовь — сюжет спектакля.

Этот спектакль — о красоте. Подлинной в мимой. О красоте фирменной одежды и красоте истинной любви. Но разве не могут и та, и другая красота сосуществовать вместе? Могут? Но почему же столь редко бывает так? Наверное, главное волнение создателей спектаклей Иркутского тюза: что же будет с миром, если из него исчезнет красота? И потому так много в тюзской афише классики: Платонов, Шекспир, Байрон. Кто-то скажет: не тюзовский репертуар. А я спрошу: почему же дети, затая дыхание, эти спектакли смотрят? И еще я спрошу: когда мы считаем, что красота Шекспира и Байрона нам понятна, а детям недоступна — не сквозит ли в этом некое, весьма пренебрежительное отношение?

Иркутский тюз — театр высокой культуры. Я специально пишу эти слова, потому что подобных театров (о тюзках я и не говорю) у нас крайне мало. Вот, например, театр ставит веселое представление для самых маленьких — «Сказки Маршачка». Знаете, какое там музыкальное оформление! «Детский альбом» Шумана в современной обработке! Музыкальное оформление «Высокого напряжения» — Ветховен, «Сна в летнюю ночь» — Мендельсон. Я не знаю, где могли бы и главное — где захотели бы слушать всю эту музыку молодые жители Иркутска, если бы не было тюза. В филармоническом подростковом клубе и не затаишься.

То, что делается в спектаклях Иркутского тюза Владимир Соколов вместе с организованной им арт-группой «Пилигримы», нельзя назвать просто музыкальным оформлением классической режиссуры спектакля. Удивительное дело: у нас есть театральные режиссеры, театральные художники, театральные критики, а вот театральные композиторы практически

Рисунок Юрия Трегубова.

большой успех. Театр стал одним из ведущих тюзов страны, в этом году он должен приехать на гастроли в Москву.

Это все — неудивительно. Удивительное в жизни Иркутского тюза другое.

Что ж, поговорим о вдохновении, теперь — о ремонте. Ремонт начался с покраски стен. Его же, впрочем, и закончился. Как только объявили, что театр находится в аварийном состоянии, и было запрещено давать в нем спектакли — пришли маляры, покрасили стены и ушли. Потом еще кто-то приходил, чинил мате-налы, козлы строительные поставил и ушел. В мастерских театры вскрыли полы, теперь там очень дует... Так вот с ноября и тянется. Секретарь Иркутского обкома комсомола Олег Васленко изначально сообщил мне, что комсомол готов объявить ремонт тюза городской комсомольской стройкой. Мой вопрос: «Когда же это произойдет?» — зазора у секретаря поубавили. А ходе нашего короткого разговора выяснилось, что Иркутский обком ВЛКСМ не имеет озабоченности с ремонтом детского театра в городе, и, по сути дела, Олег Васленко ничего не смог сообщить мне о том, что происходит.

«Увы, руки пока не поднимаются...» — с ремонта есть сроки (даже когда они не соблюдаются). У вдохновения — нет. И Вячеслав Кокорин разворачивает передо мной вдохновенный — много слов не подберу проку — реконструкцию театра. Мечтает Кокорин, чтобы тюз носил имя Александра Вампилова — представляет, в центре Сибири детский театр имени выдающегося драматурга. И тогда в театре, конечно, будет его музей. И еще будет три зала — большой, малый и зал сказок. И будет еще... Впрочем, будет ли?

Будет! — считает начальник областного Управления культуры Владимир Александрович Китаев. Хотим, чтобы было так. Ремонт тюза планируем завершить к сентябрю, чтобы новым сезон театр открыл в своем здании. А потом, за пять — семь лет, не останавливая работу, хотим провести и полную реконструкцию.

Владимир Александрович работает на этом месте всего семь месяцев и не несет ответственности за то, в каком состоянии оказались сейчас здания тюза. Но как начальник Управления культуры должен это состояние изменить.

Очень бы хотелось, чтобы лозунг «Все лучшее — детям» мы наконец научились понимать как руководство к действию. На озере Байкал мне показали санаторий, в санатории — танцзал, в танцзале — прескрасная импортная аппаратура. Подобной арт-группа «Пилигримы» добьется уже не первый год. Почему? Почему ленинградский художник Геннадий Лавренко, оформивший несколько работ Иркутского тюза, приехав на постановку, жил... в театре, под лестницей, в маленькой комнатке? Не нашлось ему места ни в гостинице, ни в общежитии.

Почему декорации к одному из спектаклей актерам пришлось плести и вязать собственными руками?

Почему славный художник театр Виктор Никольский говорит мне: «Когда приезжаем на гастроли, везде уйд материал для декораций». Почему, наконец, возникла такая ненормальная ситуация со спектаклем «Кани», который поставил в тюзом молодой режиссер Михаил Бычков? Сам по себе факт, согласитесь, поразительный: в тюзом ставятся фрагменты мистерии Джорджа Гордона Байрона «Кани» и переводы Ивана Вичура. Лишний разисте на спектакль спрашивают задолго до входа. И полтора часа юный зал слушает Байрона. Чем плохо? Неровный спектакль? Да. Но уже находятся люди, которые требуют вообще снять его, утверждают, что в бывшей церкви играть вроде как плохо и что вообще Байрон почти что проповедник зла...

По счастью, у начальника Управления культуры Китаева есть по этому поводу своя позиция. Позиция — то есть, но помещения для спектакля нет. Никак не находится в большом городе Иркутске камерного зала для спектакля детского театра.

Вот и происходит ситуация, когда, с одной стороны, театр хочет нести дело искусства, хочет учить их строить мир по законам красоты, а с другой — практически мало что вокруг способствует этому.

Последняя фраза, которую я услышал со сцены Иркутского тюза, была из спектакля «Незнакомка»: «Меня охватило предчувствие диалога». Иркутский тюз хочет вести со своим зрителем серьезный и умный разговор. Хочет научить его строить мир по законам красоты.

Но удивительное дело: для того, чтобы вести диалог со зрителем, театр вынужден вести диалог с большим количеством людей, отвечающих за нормальную работу театра.

Я уезжал из Иркутска и вспоминал поездку на озеро Байкал. Меня поразило удивительное достоинство байкальского пейзажа — спокойное и несуетное... Кажется, даже осны здесь неперевариваются о чем-то важном и серьезном.

И я подумал — как редко в наших спорах и размышлениях об искусстве вспоминаем мы это слово: достоинство. Достоинство художника. И достоинство тех, кто должен художнику помогать.

Андрей Максимов,
наш спец. корр.
Иркутск.

№ 18
апрель
1987 г.
Общественные